

**ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА
(на материале переводов с русского на английский
и французский языки)**

Как писал в своей книге «Высокое искусство. Принципы художественного перевода» К.И. Чуковский, «Переводчики часто попадают впросак из-за того, что им остаются неведомы самые элементарные идиомы и прихоти чужого языка» [Чуковский, 2008]. Наблюдения показывают, что зачастую причиной неадекватной передачи содержащейся в оригинале информации является не незнание «самых элементарных идиом и прихотей чужого языка», а недостаточное знакомство с лингвострановедческими реалиями языка-источника, разумеется, если не включать лингвострановедческие реалии в разряд «прихотей языка». Общеизвестно, что буквализм в художественном переводе недопустим. Словарные ошибки встречались у самых выдающихся переводчиков, включая М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, В. Белинского, В. Брюсова, что не помешало их переводам быть «гораздо художественнее (и значит вернее) огромного множества таких переводов, где каждое отдельное слово передано с максимальной точностью» [Чуковский, 2008]. Но в целом, неточности, возникающие при переводе в силу незнания лингвострановедческих реалий или из-за недостаточного внимания к их адекватной передаче, вряд ли являются допустимым явлением при переводе.

Вероятно, и в наше время встречаются не менее яркие примеры переводческих «ляпсусов», чем приводимые К.И. Чуковским в первой главе его книги, например, передача с английского названия пьесы А.П. Чехова “*Cherry Orchard*” как имени и фамилии мифического английского писателя Черри Орчарда [Чуковский, 2008]. Все же, в том числе и в силу лучшей осведомленности населения в области иностранных языков, чем в тридцатые годы прошлого столетия, представляется, что такие переводы отошли в область казуистики.

Более актуальны и многочисленны, по нашим данным, неточности при переводе, связанные с неполным или неправильным пониманием того, что означает то или иное слово в языке-источнике. Непонимание же это, по нашим наблюдениям, часто связано со сходством слова, обозначающего ту или иную страноведческую реалию, с каким-либо апеллятивом или прилагательным, реалией не являющимся. Так, например, в переводе романа Людмилы Улицкой «Сонечка» на французский язык находим отрывок: «Она все прикупала, прикупала разрозненные кузнецовские соусники и фаянсовые английские тарелки по баснословно блошиным ценам в комиссионке на Нижней Масловке, словно настраивалась на грядущее многообразие дочери Тани» в следующем виде: “*Elle ne se lassait pas d’acheter à des prix fabuleusement bas, chez un antiquaire de la rue Nijnaiia Maslovka, des saucières en fer forgé dépareillées et des assiettes en faïence anglaise, comme si elle se préparait à équiper la nombreuse descendance future de Tania.*”. Таким образом, «кузнецовские соусники», то есть соусники, изготовленные на фарфоровом заводе М.С. Кузнецова, превратились при переводе в “*des saucières en fer forgé*”, то есть «соусники из кованного железа». В данном слу-

чае переводчица, очевидно, не осведомленная о существовании фарфорового завода М.С.Кузнецова, являвшегося крупнейшей фарфоровой монополией рубежа XIX-XX веков – “Товарищества производства фарфоровых и фаянсовых изделий М.С. Кузнецова”, была, вероятно, введена в заблуждение сходством отантропонимного прилагательного «кузнецовский» и прилагательного «кузнечный», т.е. «относящийся к обработке металла ковкой» [В.В.Лопатин, П.Е.Лопатина, 1998]. В свете такого понимания исходного русского прилагательного «кузнецовский» было вполне логично перевести его французским “en fer forgé”. Таким образом, главную роль в неадекватной передаче исходного материала средствами языка, на который делался перевод, явилось непонимание лингвострановедческой реалии, в результате чего, по нашему мнению, несколько пострадал смысл фразы, так как оказалось, что героиня Л. Улицкой приобретала не антикварные «кузнецовские соусники», а “des saucières en fer forgé” - «соусники из кованного железа» (курсив наш – И.Б.), материала, являющегося гораздо менее употребительным при изготовлении столовой посуды, нежели фарфор. Думается, что это может придать в глазах франкоязычного читателя как покупкам Сонечки, так и ассортименту московских комиссионок ненужный экзотизм.

Перевод фрагмента из «Золотого теленка» И.А. Ильфа, Е.П. Петрова «Остаются трое: красномордый подхалим с белыми глазами, старичок-боровичок в железных очках и толстый барбос серьезнейшего вида. Старичка-боровичка я с негодованием отметаю» выполнен следующим образом: “Il en reste trois: le lèche-bottes aux yeux blancs et à trogne rouge, le vieillard au type porcín qui porte des lunettes métalliques et le chien de garde bien gras à l’air important. Je rejette avec indignation le vieillard au type porcín.” В результате «старичок-боровичок» оригинала превращается в “le vieillard au type porcín”, то есть “старичка, «похожего на свинью, свиноподобного»”, что вряд ли соответствует замыслу авторов русского текста при создании образа старика Кукушкинда. В данном случае причиной неточности при переводе явилось то, что слово «боровичок», очевидно, было воспринято переводчиком как производное не от слова «боровик», то есть «белый гриб», а как производное от «боров», то есть «кастрированный самец свиньи», причем, видимо, в его переносном значении «толстый, неповоротливый человек» [С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова, 2003]. Возможно, в данном случае скорее неправильная смысловая атрибуция слова, чем неосведомленность переводчика о существовании боровиков и связанных с ними ассоциаций носителей русского языка сыграла основную роль.

Вряд ли оправданным является перевод слов «о молебнах по случаю тезоименитства какой-нибудь высочайшей особы» из того же произведения как “Te Deum en l’honneur du saint patron de tel ou tel haut personnage”. Как известно, Te Deum является католическим духовным гимном, католической благодарственной молитвой и его исполнение, тем более по случаю тезоименитства высочайшей особы, в царской России, официальной идеологией которой являлись православие, самодержавие и народность и где весьма негативно относились к католицизму, было крайне маловероятным.

Обращает на себя внимание, что, как и следовало ожидать, перевод поэтического текста более толерантен к вольной передаче лингвострано-

ведческих реалий, нежели проза. Это обусловлено самой природой поэтического перевода. Так, например, «Жил богатырь на свете» из стихотворения Роберта Рождественского «Сказка о медных трубах» переведено на английский язык как "Once there lived a Hero", а «Богатыри!» в стихотворении «Мир» (отрывок из поэмы «Двести десять шагов») как "O Atlases!". «Студент готовится/ спихнуть зачет...» - "A student/ stams all night/ for an exam..." «Старик/ несет/ из булочной батон/ в авоське...» - "An old man/ at the baker's/ buys a bun/ and puts it in a bag...", но от этого никоим образом не страдает ни качество перевода, ни содержащаяся в исходном тексте информация.

Некоторые лингвострановедческие реалии при переводе поэтического текста могут вообще опускаться. Так, например, при переводе «Сказки о добром джинне» Роберта Рождественского отрывок «И - /покрытый копытью лучин - /он сначала/ уничтожил голод, грамоте мальчишек/ научил./ лес дремучий вырубил/ без страха./ запросто остановил чуму...» переводится "So, moving around,/ he gave people bread/ and he taught ABC./ He went to the forest/ and cut trees for wood./ He stopped the plague/ and the cholera vicious", то есть, мы видим, что в английском тексте никакие «лучины» не упоминаются вовсе. В переводе отрывка «За частоколом вех/ достопочтенным ретро/ станет/ и этот век» из стихотворения «Ретро» того же автора "Our age,/ just give it a while,/ along with the rest/ will crumble,/ a relic/ in retro style" также не находим упоминания о «частоколе».

Особого внимания при переводе требует передача собственных имен, денотирующих известных людей. Так, например, в уже упоминавшемся переводе на французский язык «Золотого теленка» фамилия выдающегося швейцарского психиатра Э. Блейлера (уроженца одного из кантонов немецкоязычной Швейцарии, введшего в науку термин «шизофрения»), которая пишется по-немецки как Bleuler, почему-то передана в тексте перевода как Bleiler: «Вы читали книгу профессора Блейлера "Аутистическое мышление"?» - "Vous avez lu *La Pensée autistique* du professeur Bleiler?", «Вы не читали Блейлера?» - "Vous n'avez pas lu Bleiler?". В словаре Le Petit Robert 2. Dictionnaire universel des noms propres находим словарную статью, посвященную швейцарскому психиатру Bleuler (Eugen), между тем как, никакой *Bleiler* в этом словаре не упоминается, что вполне соответствует французской традиции передавать по-французски иностранные фамилии, пришедшие из языков, использующих латинскую графику, к каковым, естественно, относится и немецкий, в той графической форме, в которой они фигурируют в языке-источнике.

Оправданной представляется передача семантически нагруженных антропонимов-прозвищ путем перевода: «Гусев прозвал его "Генерал Топтыгин"» (А.Н.Толстой) - "Gusev nicknamed him "General Boots"."; «Соня Золотая Ручка, достоинств которой я отнюдь не желаю умалить...» (И. Ильф, Е.Петров) - "Sonia-la-Main-d'or, dont je ne veux nullement diminuer les mérites...".

Интересный подход к передаче безэквивалентной лексики продемонстрировала Мириам Кац при переводе произведений Шолом-Алейхема с идиша на английский – она выделила в тексте перевода курсивом реалии

черты оседлости и царской России в целом и снабдила все переведенные произведения глоссарием в конце книги, например: "At last the door opened and in stomped Leizer-Wolf, hurling curses at the *shokhet's* head." / *Shokhet* – Jewish ritual slaughterer. Переводчица мотивировала это следующим образом: "Certain words and expressions have been left in their original form (in Yiddish or Hebrew) and are given in transliteration. To insure my readers a full understanding and enjoyment of these delightful stories I have included a glossary."

Таким образом, можно сделать вывод, что вопросы передачи лингвострановедческих реалий являются одной из сложнейших проблем современного переводоведения. Передача содержащейся в тексте языка-источника безэквивалентной лексики требует от переводчика не только повышенного внимания к этому аспекту перевода, но и, при необходимости, поиска дополнительной информации в соответствующих источниках. Безусловно, полезны в этом плане не только давно существующие и пользующиеся заслуженным авторитетом справочные издания, но и появляющиеся в последнее время словари, например, русско-английский культурологический словарь «Россия. Cultural Guide to Russia.» А.Л. Бурака, С.В. Тюленева, Е.Н. Вихрова под общим руководством проф. С.Г. Тер-Минасовой, который представляется нам особенно ценным в этом отношении.

Литература

1. Чуковский К.И. Высокое искусство. Принципы художественного перевода. – СПб.: ИД «Авалонь», Издательский Дом «Азбука – классика», 2008.
2. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. – М.: Русский язык, 1998.
3. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003.
4. Le Petit Robert 2. Dictionnaire universel des noms propres. – Le Robert, 1993.
5. Бурак А.Л., Тюленев С.В., Вихрова Е.Н. (Под общим руководством доктора филол. Наук, проф. С.Г. Тер-Минасовой). Россия. Cultural Guide to Russia. – М.: АСТ - Астрель, 2002.
(Источники иллюстративного материала):
5. Ludmila Oulitskaia. Sonietchka. Сонечка. – Folio bilingue. Editions Gallimard, 2007.
6. Ilf et Petrov. Le Veau d'or. – Paris: Parangon. L'Aventurine, 2002.
7. Ильф И.А., Петров Е.П. Золотой теленок (авторская редакция). – М.: «Текст», 2006.
8. Robert Rozhdestvensky. Everyday Miracles. Роберт Рождественский. Ежедневное чудо – не чудо... Избранные стихотворения. (На английском языке с параллельными русскими текстами). – М.: Издательство «Радуга», 1983.
9. Толстой А.Н. Аэлита. Гиперболоид инженера Гарина. – Киев: «Веселка», 1987.
10. Tolstoy, Alexei. Aelita. – Moscow: Raduga Publishers, 1991.
11. Sholom Aleichem. Tevye the Dairyman and Other Stories. – Moscow: Raduga Publishers, 1988.